

ножку и подпустить в добро «крошку зла». А потому и жизнь сходна с Тришкиным кафтаном: «Как ни трудись, как ни чини, А смотришь – всё кафтан с изъяном». А потому и человек так легко поддаётся искушению – воспользоваться простотой ближнего своего:

Кричим про братство, правду, честь,
Пылаем злобой к плутократу,
А сами смотрим: как бы сесть
На шею глупенькому брату.

Что это? Призыв к нравственному самосовершенствованию? Призыв к обузданию страстей, к подавлению низменных чувств: злобы, жадности, зависти, корыстолюбия – ради возвышенных целей, в данном случае – ради «правды-справедливости», ради лучшей социальной жизни? Нет. Тема нравственного несовершенства человека в стихах Масюкова хотя и присутствует, но нигде не выдвигается поэтом на первый план. Во всяком случае, борьба со страстями человеческими понималась Масюковым не как уход в себя, в мир чисто духовных интересов, отгороженный глухой стеной от забот и печалей суетного света, далёкий от злобы дня. И тем более – как самобичевание и самоуничижение. Нравственное самосовершенствование не есть личное дело каждого, это общая забота всех, кто заинтересован в победе добра над злом, правды над неправдой. Вот почему главную надежду поэт возлагал не на религиозное воспитание, а на просвещение и на этой позиции оставался до конца дней. Доказательством тому может служить стихотворение «Просветителям наро-

да», напечатанное в благовещенской «Амурской газете» за два года до смерти Масюкова. В нём поэт сравнивал просвещение с ручьем, вздымающим застойную трясиину. Обращаясь к тем, кого он называет – несколько туманно – «просветителями народа» (неясно, кто имеется в виду: то ли некие «светочи мысли», то ли народные учителя), Масюков призывал их бороться «с мраком»: «Вселяйте честные воззренья, смягчайте чёрствыя сердца»³⁸.

Что же тут нового? – спросит читатель. Вселять честные воззренья, смягчать черствые сердца... Так мыслились задачи просвещения по меньшей мере за полтора десятилетия до того, как появились приведённые строки. Можно ли ставить в заслугу повторение давно известных истин? Разумеется, нельзя. Никто и не собирается это делать. Доводы читателя-скептика кажутся убедительными, если отвлечься от конкретных условий действительности.

Сообщая о смерти Масюкова, газета «Амурский край» (26 октября 1903 года) назвала его в некрологе «маленьким тружеником и скромным борцом с человеческой неправдой». «Такие редкие явления, – писала газета, – на нашей далёкой окраине, не выработавшей ещё гражданственности, особенно заслуживают быть отмеченными».

³⁸ Амурская газета. 1901. № 44. 28 октября.

Александр УРМАНОВ

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой литературы БГПУ

Памяти А. В. Лосева

30 января 2002 года ушёл из жизни Анатолий Васильевич Лосев – известный исследователь литературной жизни Сибири и Дальнего Востока, учёный, заложивший основы литературного краеведения, создавший прочный научный фундамент, без опоры на который дальнейшее изучение истории культурной жизни Приамурья немыслимо.

Свыше трёх десятилетий он проработал на кафедре литературы БГПИ, в том числе 15 лет возглавлял её. В памяти коллег и многих поколений студентов Анатолий Васильевич останется человеком, обладавшим феноменальной памятью, фантастической эрудицией, поистине энциклопедическими знаниями. При общении

с ним возникало ощущение, что он знает абсолютно всё: теорию литературы и историю критики, античную и древнерусскую литературу, зарубежное средневековье и русскую классику XIX столетия, серебряный век и советскую литературу, историю и философию... Он помнил наизусть огромное количество стихов, в свою речь постоянно вкраплял поэтические строчки. Особенно часто цитировал Маяковского (по-видимому, тот был его любимым поэтом), причём не только стихи и поэмы, но и пьесы – «Баню» в первую очередь. Цитировал со вкусом, увлечённо, сопровождая чтение выразительной мимикой и жестикующей. Цитировал Пуш-

кина, Тютчева, Некрасова, поэтов серебряного века (И. Анненского, А. Блока, Н. Гумилёва и др.), иногда стихи на немецком – Гёте, Гейне.

Особенно поражала его осведомлённость в вопросах, связанных с культурной жизнью Сибири и Дальнего Востока. Но эрудиция Анатолия Васильевича была не «даром», ниспосланным свыше, а результатом напряжённого интеллектуального труда. За письменным столом, в архивах и библиотеках, над рукописями, книгами и журналами он проводил большую часть своей жизни. В письме от 27 марта 1979 года, отвечая на мой вопрос о том, смогу ли я работать в вузе, он написал: «Думаю, сможете. Надо только работать и работать. Не надеяться на случай, на благоприятное стечение обстоятельств, даже на чью-то благосклонность (больше полагайтесь на себя, а не на “фортуна”, которая может и отвернуться), а именно работать. Трудолюбие всегда вознаграждается, если, конечно, оно не служит ложной цели».

Своей учёностью он не кичился и без нужды её не демонстрировал – отчасти по свойственной ему скромности, отчасти потому, что предъявлял к себе очень высокие требования, никогда не удовлетворяясь достигнутым. В одном из писем конца 70-х, комментируя высказанные мною сомнения в собственных знаниях, он написал: «Вообще-то не советую заниматься самобичеванием или, лучше сказать, самоуничижением. Это лишнее. Во-первых, так ли уж Вы мало знаете для своего возраста? Во-вторых, не забывайте об относительности наших знаний. Честно Вам скажу: я и сам иногда ощущаю (почти физически!) несовершенство своих знаний и тоже кажусь самому себе “неучем”, а точнее сказать – никогда не обольщаюсь на счёт своих возможностей, которые у каждого из нас, смертных, отнюдь не безграничны. Перед людьми моего возраста Вы имеете явное преимущество: нам, грешным, уже невозможно достичь совершенства (слишком мало времени для этого “отпустила” природа), а Вам это по плечу. Из этого и исходите, на этом и основывайтесь, составляя свою жизненную “программу”».

Он во всём стремился «дойти до самой сути», стремился выяснить каждую мелочь, для него немислимо было пренебрежение к какой-либо частности, детали. Из этого уважения к мельчайшей значимой подробности выростали такие основополагающие черты его характера, такие ведущие свойства Лосева-учёного, как фундаментальность и основательность. Если Анатолий Васильевич сталкивался с пренебрежительным отношением к кропотливому сбору научных доказательств, он говорил: «Этот автор берёт материал вот из этого инструмента». И выразительно демонстрировал указательный палец.

Его увлечённость, точнее полная поглощённость любимым предметом – наукой о литературе – вызывала у нас, студентов-филологов 70-х годов, глубочайшее уважение. Забывая обо всём на свете, кроме литературы и литературоведения, он готов был каждому студенту со всей обстоятельностью заново объяснить всё, что тот не понял или недоучил. Как лектора его особенно ценили те, кто способен был оценить ум, эрудицию, оригинальность суждений. Такие студенты обычно сидели на первых партах и жадно слушали его лекции.

Записывать за А. В. Лосевым было непросто, так как мысль его подчинялась не только пунктам учебной программы, но и некой внутренней логике. Он делал пространные «отступления», но в них-то и состояла главная ценность его лекций, они-то и раздвигали кругозор слушателей. Экзамены он принимал, несмотря на жалобы некоторых студентов и упреки факультетского и институтского начальства, необыкновенно долго, иногда заканчивая их уже после полуночи. Другого такого экзаменатора, наверное, не было за всю историю нашего вуза (да и были ли такие вообще где-нибудь?) Во время экзамена (а он мог длиться по 16-18 часов) Анатолий Васильевич не делал никаких перерывов, единственное, что он себе позволял – почти непрерывно курил, выкуривая несколько пачек сигарет. Пепел стряхивал в импровизированную пепельницу, свёрнутую из листа бумаги. Помню, как в 1975 году наш первый «Б» сдавал ему экзамен по введению в литературоведение. Я, отвечавший в группе первым, со своей пятёркой вышел из аудитории около 12 дня, а Володя Завьялов, сдававший последним, выстрадал свою «международную» оценку уже в половине второго ночи, предварительно выслушав существенную часть недоученного им лекционного курса. В общежитие он попал с трудом, так как бабушка-вахтёр давно уже спала и разбудить её было непросто. Мы, соседи по комнате, тоже спали, но он поднял нас, достал заранее припасённую бутылку «Фетяски», и мы отметили его «успех».

Анатолий Васильевич был человеком пронизательным и обычно мгновенно определял, кто перед ним. В начале 80-х, когда я вёл за ним практические занятия по советской литературе и частенько ассистировал на экзаменах, меня поражала его способность безошибочно определять уровень знаний. Бывало, на экзамене он почти сразу прерывал студента и дальше рассказывал сам. В самом конце он мог задать один уточняющий вопрос и после этого без колебаний ставил оценку. Некоторые «хитрые» студенты во время его пространных монологов могли согласно кивать головой, умильно заглядывать ему в глаза, многозначно поддакивать, но это не имело ровно никакого эффекта. Окончательный вердикт основывался не на поддакивании, а на чём-то другом. И не помню случая, чтобы Анатолий Васильевич ошибся в оценке знаний своих студентов.

Он сформировался в советскую эпоху, когда в науках господствовал так называемый классовый подход, когда всё поверялось марксистско-ленинским учением. Конечно, та методология, на которую он опирался, сейчас воспринимается как устаревшая, однако, как это ни странно, написанное А. В. Лосевым и сегодня не кажется архаикой. Его научные работы – редкий случай, когда учёному, жившему и печатавшемуся в советскую эпоху, после крушения коммунистического режима не нужно было стыдиться ни за одну свою строчку. И это при том, что он не был аполитичным человеком, тем более диссидентом. Ещё в октябре 1942 года, учеником 9-го класса, он вступил в ряды ВЛКСМ. Позже, с марта по июль 1945-го, работал секретарём комитета комсомола (комсоргом ЦК ВЛКСМ) в Бежецком ремесленном училище. В студенческие годы Анатолий был членом бюро ВЛКСМ факультета, в аспирантские – вступил в КПСС. В БГПИ он постоянно избирался членом

партбюро историко-филологического факультета, а дважды – его секретарём. Добросовестно исполняя партийные обязанности, он не был карьеристом, никогда не «прогибался» перед начальством. Не свойственна ему была и ортодоксальность, ретивое следование «генеральной линии». Когда в конце 70-х нескольких студентов историко-филологического факультета уличили в диссидентстве «местного разлива», на партийном собрании А. В. Лосеву предъявили очень серьёзное по тем временам обвинение: «Вы воспитываете критиков, и не только литературных». Каяться в «грехах» и «ошибках» он не стал, как и выгораживать себя, задним числом обвиняя студентов за, в общем-то, безобидный, на его взгляд, «мальчишеский» проступок. «Охранительный» пафос, присущий некоторым его товарищам по партии, был Анатолию Васильевичу глубоко чужд.

На кафедре к нему обращались как к последней инстанции. В решении сложных литературоведческих проблем его вердикт был окончательным, авторитет – непререкаемым, оценки – практически безошибочными. Марксистская методология не испортила его научные труды, так как она «перекрывалась» фундаментальной подготовленностью А. В. Лосева. Он обладал не отрывочными знаниями, а системными: каждое литературное явление видел в развитии, во взаимосвязи, в сцеплении с другими явлениями. Он представлял художественный мир каждого крупного писателя во всей полноте и объёмности, в динамике и мельчайших подробностях. Это и позволяло ему давать точные оценки, которые не устарели по сей день.

Ещё одно важное свойство А. В. Лосева – простота. Не та, которая «хуже воровства», про такую он и сам отзывался с презрением. Он никогда не стремился выказываться вычурно; глубоко и основательно зная теорию литературы, никогда не злоупотреблял мудрёной терминологией. Он стремился быть понятным и доступным, о сложных вещах говорил просто.

Кругозор его отличался необыкновенной широтой: он знал о литературе буквально всё. У него был тонкий художественный вкус, глубокое понимание сути литературных явлений. Не было случая, когда бы он отозвался о произведении неадекватно, в угоду моде, в угоду конъюнктуре. Помню, в начале «перестройки» в институте было устроено публичное обсуждение супермодного в то время романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Практически все выступавшие на этой читательской конференции (признаюсь, что и я, грешный) оценивали его как художественный шедевр, ставили в один ряд с произведениями русских классиков, в общем, превозносили до небес, и только Анатолий Васильевич (вперекос с настроением аудитории) дал очень трезвую и точную (сейчас это очевидно всем) оценку: роман политически конъюнктурный, в художественном отношении слабый, через 10-15 лет никто и не вспомнит о нём. Говорил, что Рыбаков «демонизирует» Сталина и «идеализирует» Кирова, что близкие автору по духу столичные интеллектуалы – «дети Арбата» – противопоставлены недоброжелательно выведенному в романе сибирскому крестьянству и в целом простому русскому народу.

Был А. В. Лосев человеком в высшей степени порядочным и деликатным (некоторые, правда, расценива-

ли это как слабость, как неумение «уважать себя заставить»). Угадывалась в нём иногда и какая-то незащищённость, ранимость, какая-то детская чистота. Порой он казался большим ребёнком, способным обижаться, капризничать. Студенты за глаза называли его «Пьером Безуховым», находя сходство не только во внешности и в фигуре, но, прежде всего, в чертах характера. Никогда этот человек не сказал ни одному студенту грубых слов, ни разу не удалил нарушителей дисциплины из аудитории, хотя основания для этого порой имелись. Только один раз во время лекции он сделал резкое замечание, но это была, по его словам, реакция на «хулиганское поведение» какого-то постороннего молодого человека. Тот, видимо, подждал свою девушку, которая присутствовала на лекции, и, узнав от неё, что молодой «чудаковатый» преподаватель не очень хорошо видит и к тому же так увлечён излагаемым материалом, что ничего не замечает вокруг, зашёл в аудиторию и стал «куражиться» – сидя на задней парте, вполголоса напевать песню.

В некоторых же ситуациях в А. В. Лосеве проявлялся своего рода аристократизм (недаром некоторые коллеги называли его «баринном»): он органически не способен был на «мелкие телодвижения», брезгливо относился к тем, кто юлил и заискивал перед начальством. «Плебейство» ему было не сродни. А. В. Лосев являлся цельной натурой. Он не говорил комплименты только для того, чтобы понравиться, чтобы на него не обиделись. Он не боялся произносить то, что думал. На кафедральном обсуждении лекций или научных трудов своих коллег он мог употребить такие слова, как «школярство», «анализ на школьном уровне» и т. п.

Иногда аристократизм проявлялся иначе. Однажды он согласился ради «подработки» (его пенсия была удивительно мала) поучаствовать в исследовательской программе одного из институтов и написать пособие по краеведению. Когда все сроки прошли, к нему зашли напомнить про обязательства, полагая, что он трудится над книжкой, но просто не успевает выполнить работу в срок. Каково же было удивление, когда они увидели Анатолия Васильевича, занимающегося... совершенствованием своего немецкого произношения. Даже материальные трудности не могли превратить его в «наёмного работника»... А немецким языком он владел прекрасно, произношение его было безукоризненным. Те, кто играл с ним в шахматы, вспоминают, что иногда ради шутки он начинал комментировать шахматные партии своих товарищей по-немецки.

Его шутки не были домашними «заготовками», штампами, они рождались спонтанно, мгновенно и были по-настоящему остроумны. Часто они основывались на тонкой игре слов, на аллюзийных параллелях. Так, услышав, что одна преподавательница кафедры из любви к А. Блоку понаставила на экзамене много двоек («срезаю» студентов именно из-за плохого знания ими творчества автора «Соловьёного сада» и «Незнакомки»), он тут же среагировал: «Она заБЛОКировала весь курс». Остроумие его могло быть язвительным: прежде всего в тех случаях, когда он отзывался о людях с чрезмерно гибким позвоночником или же о никчёмных властителях. Так, советского лидера эпохи «застоя» он метко называл «павлином» и очень точно копировал его

манеры, речь. Об «архитекторах перестройки» и «творцах рыночных преобразований» отзывы его были уничтожающими.

Ему была свойственна оригинальность суждений, он редко говорил банальности, почти не использовал «дежурных фраз», которые есть в запасе у каждого человека интеллектуального труда. Каждая его фраза являлась не воспроизведением заранее припасённого речевого штампа, а развёртыванием рождающейся мысли. Мозг его был в постоянном напряжении, в неустанной работе. Общаться с ним бывало непросто. Мысль не отпускала его, а он не «отпускал» (почти буквально) своего собеседника. Мне и самому не раз доводилось долгими часами беседовать с ним (если позволительно называть «беседой» изредка прерываемый моими отрывочными суждениями монолог Анатолия Васильевича) в вузовских аудиториях и коридорах, на улице. Если, случалось, мы возвращались из института вместе, то на перекрёстке, где наши пути расходились, обычно проводили долгие часы. Часто по этой причине меня теряли дома и, догадавшись, в чём дело, приходили «выручать».

Как заведующий кафедрой Анатолий Васильевич большое внимание уделял прежде всего подготовке и росту кадров, оказывал серьёзную помощь молодым преподавателям Г. П. Аникиной, Т. Д. Беловой, Г. П. Курочкиной (Довнар), О. Н. Щербань, в то время работавшим над кандидатскими диссертациями. Чтобы не быть голословным, приведу мнение, высказанное о Лосеве-наставнике одной из его учениц – Т. Д. Беловой. Она преподавала на кафедре литературы БГПИ в 60-70-е годы, затем переехала в Саратов, где сейчас заведует аналогичной кафедрой в университете. Года полтора назад Тамара Дмитриевна защитила в МГУ докторскую диссертацию. В декабре 2001-го, за месяц до кончины А. В. Лосева, в письме к профессору М. С. Юсуповой она написала: «Горжусь тем, что принадлежу к школе Анатолия Васильевича Лосева. Он “ставил голос” мне. Он учил обстоятельности и ответственности в науке. Если в чём-то мы не дотягивали до его уровня, то это наша вина. А он и недосыпаем как аналитик, филолог, мыслитель. Жаль, что здоровье его не дало ему возможности работать. Кафедра, по-моему, лишилась высококлассного консультанта».

Своим учителем А. В. Лосева называет Владимир Михайлович Калита, работающий ныне в Амурском государственном университете. Признаюсь, что и на меня, на моё становление как преподавателя и учёного он оказал большое влияние. Когда в конце 70-х после института я был направлен на работу в сельскую школу в один из отдалённых районов, Анатолий Васильевич находил время для переписки со мной. И сейчас у меня бережно хранится целая стопка его подробных, обстоятельных писем. Он пытался помочь мне не упасть духом, призывал не хандрить, а всерьёз заняться наукой, неустанно совершенствовать свои знания.

Как складывалась его собственная судьба?

Анатолий Васильевич Лосев родился 11 января 1927 года в деревне Иевлево Тверского уезда Тверской губернии (в советские времена – Калининской области). Осенью 1931 года семья переехала в город Бежецк, где прошли годы детства Анатолия. Его отец, Василий

Михайлович, до войны был бухгалтером МТС, с 1941 года – на фронте. В послевоенное время работал по своей специальности в органах внутренних дел. Умер в 1947 году. Мать, Ефросинья Яковлевна, после переезда семьи в Бежецк многие годы работала на разных должностях в артели «Труд инвалида», умерла в 1974 году. В семье Лосевых было двое детей: Анатолий и его старшая сестра Лидия, ныне проживающая в Бежецке.

Школьная пора (1934-1944) пришлась на трудные предвоенные и военные годы. В первую военную осень четырнадцатилетний Анатолий добровольно записался в истребительный батальон, числился его бойцом с ноября 1941 по март 1942 года. Принимал участие в строительстве оборонительных сооружений, летом 1942 года около двух месяцев работал на заготовке торфа.

Осенью 1944 года, с похвальной грамотой окончив среднюю школу, он поступил на теплотехнический факультет Московского энергетического института. По словам сына, Анатолий Васильевич позже говорил, что в МЭИ поступал кто-то из его школьных друзей, и он поехал в Москву «за компанию». Однако энергетика из него не вышло: проучившись немногим более четырёх месяцев, в феврале 1945 года он оставил учёбу по причине (как много лет спустя записал в автобиографии) «тяжёлых материальных обстоятельств». Но был и другой, более важный, мотив, обусловивший столь резкий слом судьбы, – увлечённость литературой. Любовь к художественному слову проснулась в нём очень рано. По свидетельству сына Владимира (а он ссылается на рассказы своей бабушки – Ефросиньи Яковлевны), в детские годы отец по ночам тайком от родителей, дождавшись, когда они уснут, зажигал припрятанный огарок или лучину и в полутьме читал. Читал запоем, порой до утра. Возможно, именно тогда у него испортилось зрение.

В сентябре победного 1945 года Анатолий поступил на факультет русского языка и литературы Калининского государственного педагогического института. В студенческие годы он был редактором и членом редколлегии факультетской и общеинститутской газет, успешно занимался научно-исследовательской работой и спортом, с полной самоотдачей учился. Окончив институт в 1949 году и получив диплом с отличием, с сентября по ноябрь Анатолий Васильевич работал учителем в женской средней школе № 10 г. Калинина, а затем поступил в аспирантуру при кафедре русской литературы Калининского пединститута.

После её окончания в октябре 1952-го по путёвке Министерства Просвещения РСФСР А. В. Лосев был направлен на работу в Благовещенский государственный педагогический институт им. М. И. Калинина. Время было такое, что выбор места жительства и работы выпускника зависел не только от его личного желания, но и от потребностей, как тогда говорили, «народного хозяйства». Высшие учебные заведения Дальнего Востока укреплялись кадрами, которые «выковывались» в вузах европейской России. Но Анатолий Васильевич и не возражал против переезда в Амурскую область, далёкий край его чем-то притягивал. В Благовещенск он приехал вместе с молодой женой Валентиной Николаевной – выпускницей Ленинградского медицинского института. Она тог-

Таким А.В. Лосева запомнили его первые студенты

В научном поиске

Плечом к плечу: многие годы их трудами создавалась газета «За педагогические кадры»

Вести заседание кафедры - ответственная работа.

да ждала ребёнка, дорогу перенесла плохо. Сын Владимир родился в 1953 году, уже на Амурской земле¹.

Думал ли тогда молодой выпускник аспирантуры Калининского пединститута, что Благовещенск станет его второй родиной, что здесь пройдет вся его жизнь? Я спрашивал у В. Н. Лосевой, было ли у них с Анатолием Васильевичем намерение спустя какое-то время вернуться в родные места. Ответ был отрицательный. Ехали на Дальний Восток навсегда – жить, работать. Так и получилось, что, оказавшись в том далёком от нас 1952-м на Амуре, они навсегда связали свою судьбу с Благовещенском.

20 ноября 1952 года А. В. Лосева назначили ассистентом кафедры литературы БГПИ. Каким он тогда был? С фотографии той поры он смотрит на нас сквозь очки в круглой тонкой оправе. Лицо интеллигента. Серьёзный взгляд, умные, немного усталые глаза. Модный в начале 50-х костюм в полоску с широкими лацканами, галстук. Зачесанные направо волнистые волосы с вольно свисающей прядью. Наверное, он нравился своим студенткам. И не только потому, что внешне выглядел привлекательным. Уже тогда он поражал необыкновенной эрудицией. На обратной стороне одной из фотографий аспирантской поры я прочёл надпись, сделанную его студентками: «Будущему профессору А. В. Лосеву...».

Несколько лет, вплоть до 1960-го, Лосевы жили в студенческом общежитии на углу Ленина и Трудовой, там, где сейчас построен новый жилой дом. Второй этаж общежития занимали преподаватели, в основном молодые семьи, поэтому общение скрашивало некоторую бытовую неуютность. Впрочем, в ту пору жизнь в комнатке студенческого общежития не воспринималась как неуютность. Во внутреннем дворике здания располагалась волейбольная площадка, и Анатолий Васильевич вместе с другими преподавателями и студентами частенько вечерами устраивал турниры. Игра в волейбол – одно из его главных увлечений (пока позволяло здоровье). А волейболистом он был отменным. Ещё в студенческие годы в Калининском участвовал в зональных соревнованиях, объездил со своей командой немало городов. Я имел возможность наблюдать его игру уже в 70–80-е годы, когда Анатолий Васильевич, заметно погрузневший, несколько подрастерял былую спортивную форму. Но не темперамент. На площадке он вёл себя по-юношески увлечённо, даже страстно, эмоции били через край. Не любил, когда его команда проигрывала, горячился, спорил, размахивал руками. Часто не соглашался с судейскими решениями, брал в руки мяч и показывал, куда он ударился. Был похож на мальчишку. Увлечённость вообще была его отличительной чертой.

Если продолжить тему непрофессиональных интересов А. В. Лосева, то необходимо сказать ещё о трёх: шахматах, рыбалке и пении.

¹ Владимир Анатольевич Лосев в 1976 году окончил геолого-географический факультет Томского государственного университета, долгие годы трудился в должности инженера-геолога в филиале института «Дальгипропроводхоз», сейчас также работает по специальности. У него двое сыновей. Анатолий Васильевич очень радовался рождению внуков, всегда отзывался о них с большой любовью. Старший внук, Алексей, родившийся в 1979 году, окончил естгеофак БГПУ, младший, Вадим (1983 г. р.), учится сейчас на I курсе физмата.

Шахматами Анатолий Васильевич увлёкся в Благовещенске. Быстро вырос в хорошего шахматиста, получил первый разряд, участвовал во многих турнирах. Играл за команду института, добивался неплохих результатов. В повседневной жизни особенно часто играл в шахматы с Анатолием Ивановичем Денисовым, с ним мог проводить за доской чуть ли не сутки напролёт.

Анатолий Васильевич был столь же страстным рыболовом. Подолгу со всевозможными подробностями рассказывал о своих рыбацких успехах. Память у него была такова, что он без труда воссоздавал мельчайшие подробности, связанные с выуживанием чуть ли не каждой пойманной им рыбины. Почти каждое лето он гостил в Бежецке и, вернувшись, непременно рассказывал о рыбалке, всей своей фигурой изображая, как он ловил рыбу руками.

А. В. Лосев не был аскетом: он любил посидеть в компании с друзьями и коллегами, остроумно шутил, был душой общества. Обладая красивым баритоном и абсолютным музыкальным слухом, любил петь, особенно народные песни – те, в которых отразилась широта души русского человека, необъятность русских просторов: «По диким степям Забайкалья», «Вниз по матушке, по Волге», «Ямщик, не гони лошадей».

Работая над этой статьёй, я расспрашивал тех, кто знал Анатолия Васильевича в 50–60-е годы. Многие отмечали, что он приехал в Благовещенск уже зрелым, абсолютно сформировавшимся человеком. А ведь ему было всего 25 лет. Уже тогда он удивлял некоторых своих сверстников предельно серьёзным отношением к профессиональному долгу. Уже тогда в нём не было ничего поверхностного.

Диссертацию в Калининском завершить не удалось. Отчасти это объясняется личностными свойствами Анатолия Васильевича, его кропотливостью и дотошностью, нежеланием и неумением спешить, отчасти особенностями времени – в ту пору учёная степень кандидата наук давалась гораздо трудней, чем ныне. В Благовещенске диссертационное исследование тоже продвигалось не очень быстро. В характеристике от 26 апреля 1954 года можно прочесть, что в работе старшего преподавателя кафедры литературы А. В. Лосева над диссертацией «нет целеустремлённости, сроки выполнения глав систематически нарушаются». Понять главную причину замедления темпов не сложно, зная, что начинающему преподавателю поручили читать одновременно несколько сложнейших лекционных курсов: историю русской литературы XX века (дооктябрьский период), историю советской литературы, введение в литературоведение, теорию литературы. Нагрузка была такой, что выдержать её мог только очень подготовленный человек, к тому же обладающий богатырским здоровьем.

Что касается диссертации, то коллеги Анатолия Васильевича вспоминают: перед тем как вынести свою работу на защиту, он зачитывал её главы на заседаниях кафедры. В памяти тех, кто участвовал в этих обсуждениях, сохранилось ощущение глубины и фундаментальности его исследования. Однако путь к успеху не был гладким. В 1958 году на заседании кафедры литературы Иркутского государственного университета во время обсуждения вопроса о возможности представления диссертации А. В. Лосева к защите одна из рецензенток, кандидат филологических наук Н. С. Тендитник,

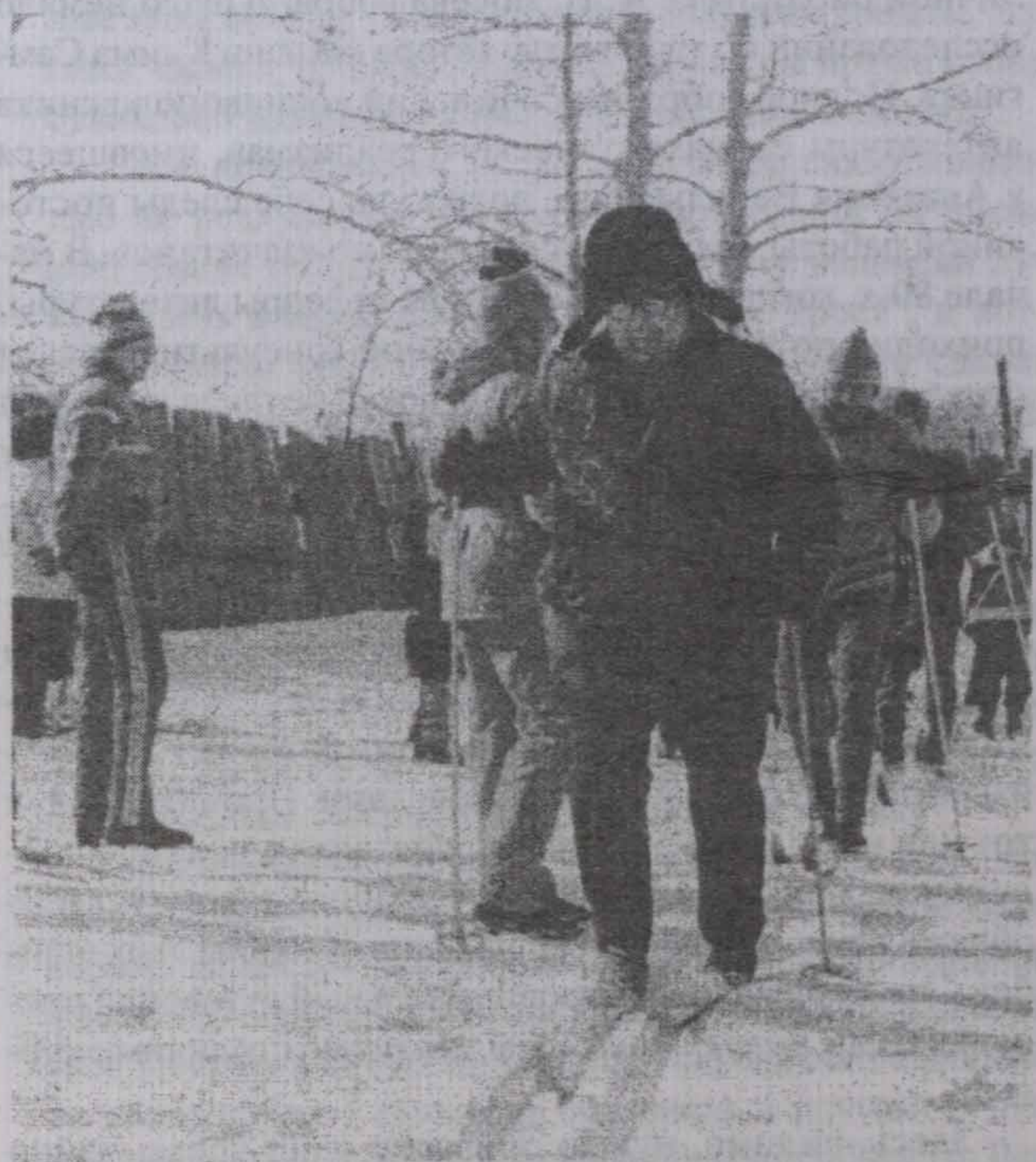
Вот и настал праздник Первомай

Рыбалка требует снаровки

За партией в шахматы с А.Ф. Барановым

*На лыжне впереди молодых
(Анатолию Васильевичу - 55 лет)*

На субботник ходили всем миром

дала отрицательный отзыв. Потребовалась переработка диссертации, и Анатолий Васильевич написал заявление с просьбой освободить его от обязанностей заведующего кафедрой – с тем, чтобы иметь время и силы на доработку. Директор института Ф. А. Цвид просьбу не поддержал, так как равноценной кандидатуры на должность заведующего не было. Тем не менее, Анатолий Васильевич нашёл в себе силы преодолеть трудности и в марте 1959 года в Иркутском государственном университете успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Емельян Пугачёв» В. Шишкова и проблема жанра советского исторического романа».

После этого к проблематике своей диссертации А. В. Лосев почти не возвращался, его увлекли новые темы.

Из нереализованных научных планов нужно назвать относящуюся ко второй половине 60-х годов работу над монографией «Тема интеллигенции в творчестве М. Горького дооктябрьского периода». Эта тема, по-видимому, задумывалась им для докторской диссертации. В личной библиотеке А. В. Лосева собрано было немало исследований по творчеству автора «Жизни Климса Самгина». Полное собрание сочинений «основоположника литературы социалистического реализма», имевшееся у Анатолия Васильевича, носило на себе следы постоянной работы, было им основательно «зачитано». В начале 80-х, когда я, тогда ассистент кафедры литературы, приходил по вечерам к нему домой консультироваться перед проведением занятий, он, почти не глядя, доставал с книжной полки нужный том, мгновенно находил тот или иной эпизод. Впрочем, он знал наизусть и легко воспроизводил множество фрагментов произведений Горького. Вспоминаются и его «комментарии к комментариям». Анатолия Васильевича возмущали неточности и даже грубые ошибки, допущенные редакторами академического издания и авторами комментариев к нему – известными советскими горьковедом. Прочитав вслух тот или иной комментарий, он доставал с полки энциклопедии, монографии, художественные тексты и легко обнажал суть ошибок, даже находил причины этих ошибок. Это поражало: он, провинциальный вузовский преподаватель, знал больше, чем маститые столичные учёные.

Здесь, видимо, нужно привести один чрезвычайно показательный случай. В 1968 году началось издание полного 25-томного собрания художественных произведений Горького, в составлении и комментировании которого участвовали ведущие горьковеды. В первом томе этого авторитетнейшего издания среди других произведений были напечатаны четыре стихотворения раннего Горького: «Не браните вы музу мою», «Я плыву, за мною следом», «Тому на свете тяжело» и «Звук её, ласкающий и милый». Первые три стихотворения и ранее печатались в сборниках стихотворений Горького, издававшихся в серии «Библиотека поэта». В течение тридцати с лишним лет (с тех пор, как эти стихотворения стали известны науке) авторство Горького не подвергал сомнению никто из крупнейших исследователей, писавших об этих произведениях: Б. Бялик, С. Касторский, Б. Мейлах, Н. Пиксанов и многие другие. Более того, стихам придавалось «программное» значение. Так, например, стихотворение «Не браните вы музу мою» горьковеды называли «эстетической деклараци-

ей» молодого Горького, усматривали в нём истоки его художественных устремлений и т. п.

Единственным фактическим обоснованием авторства была принадлежность автографа (он был найден в архиве писателя после его смерти) Горькому. Ни одному из специалистов и в голову не пришло, что автограф мог быть горьковской копией стихотворений, принадлежащих другому автору. И вот никому не известный кандидат наук из Благовещенска сделал научное открытие, которое, стань оно тогда достоянием гласности, могло посрамить признанных учёных. Работая в архивах, кропотливо изучая региональную периодику, А. В. Лосев установил, что эти стихи на самом деле принадлежат не Горькому, а малоизвестному крестьянскому поэту Ивану Игнатьевичу Морозову (1883-1942), что они были опубликованы под его именем в ряде провинциальных периодических изданий, а также в малоизвестных коллективных сборниках произведений «писателей из народа».

Казалось бы, что особенного совершил Анатолий Васильевич? Случайно наткнулся на стихи малоизвестного поэта, приписываемые Горькому, случайно обнаружил ошибку горьковедения. Но дело в том, что у такой случайности была своя закономерность. Чего греха таить, вряд ли ещё был в России вузовский преподаватель (не узкий специалист по раннему Горькому), который держал в памяти эти произведения. Это ведь не хрестоматийные «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике». В общей массе текстов Горького стихи эти терялись. Анатолий Васильевич же, для которого не было незначимых мелочей, хорошо знал и их. Ошибка учёных усугублялась тем, что имя крестьянского поэта-самородка в принципе должно было быть им известно: Иван Морозов дважды присылал Горькому свои стихи, они обменивались письмами. Тем не менее, досадное заблуждение продержалось свыше тридцати лет.

Анатолий Васильевич с высокой степенью вероятности предположил, что названные выше стихи были отредактированы Горьким и переписаны набело с целью опубликовать их в каком-то несостоявшемся печатном издании, которое должно было выйти под его редакцией. У А. В. Лосева не было цели «уличить» в некомпетентности составителей ПСС Горького и отечественных горьковедов, когда он, изложив суть своего открытия, отправил статью в журнал «Вопросы литературы». Цель его была благородна – помочь установить истину, исправить, как он писал, «ошибку, которая тридцать с лишним лет была источником многих недопониманий». Однако статью отвергли: и потому, видимо, что не хотели открыто признавать промах известных учёных (в состав редакционной коллегии издания входил весь цвет отечественного литературоведения: А. И. Метченко, А. И. Овчаренко, Б. Л. Сучков, Е. Б. Тагер, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина и др.), и потому, что боялись умалить авторитет «основоположника литературы социалистического реализма». Научная Москва пыталась сохранить «честь мундира». Анатолий Васильевич получил короткое письмо-благодарность на официальном бланке за подписью главного редактора издания (им числился писатель Л. М. Леонов). Только в одном из последних томов ПСС Горького редакторы поместили краткое примечание, сообщавшее о допущенной неточности, но о том, что ошибка исправлена

благодаря доценту из Благовещенска А. В. Лосеву, «скромно» умолчали.

Начиная с 60-х годов, Анатолий Васильевич вёл научно-исследовательскую работу по трём взаимосвязанным направлениям: «Народничество и литературная жизнь Сибири», «Литературная жизнь Дальнего Востока в 1890-1917 гг.», «Приамурье в художественной литературе». Несколько десятилетий он посвятил кропотливому сбору материала, изучению печатных и архивных источников. Результатом этой многотрудной исследовательской работы стали следующие публикации: «Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель» (Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1963); «С. С. Синегуб на Амуре» (Альманах «Приамурье моё», 1971); «Печать и литература» (Амурская область: Природа, экономика, культура, история. – Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1974); «Из прошлого периодической печати на Амуре» (Вопросы истории Амурской области. – Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1981); «Забытый поэт: [Л. П. Волков]» (Дальний Восток, 1982, № 1) и т. д.

В последние годы А. В. Лосев трудился над очерком жизни и творчества первого поэта на Амуре Порфирия Фёдоровича Масюкова. В полном объёме и в данной авторской редакции это оставшееся незавершённым исследование впервые печатается в нынешнем номере альманаха «Амур».

В деле научного изучения истории литературной жизни Приамурья А. В. Лосев был, остаётся и, уверен, останется первым – и потому, что раньше других обратился к этой теме (начав, по сути, с нуля), и потому, что его работы написаны на высочайшем уровне.

Учебным результатом многолетних исследовательских поисков стал лекционный спецкурс «Литературное краеведение», который Анатолий Васильевич долгие годы читал студентам-филологам.

Много сил и времени он отдавал институтской газете «За педагогические кадры»: был членом редколлегии, редактором, сменным редактором. К этой «общественной нагрузке» относился так же добросовестно, с таким же тщанием, как и ко всему, что ему поручалось.

В продолжение многих лет А. В. Лосев принимал активное участие в литературной жизни города и области. В 1958-1959 гг. он был редактором альманаха «Приамурье», в 1972-1977 гг. – членом редколлегии сборника «Приамурье моё». Он являлся председателем городской литературной секции, членом Союза журналистов с 1962 года. Анатолий Васильевич общался со многими амурскими литераторами, особенно дружен был с поэтом Игорем Ерёминим, а в последние годы – с Николаем Фотьевым.

На пенсию А. В. Лосев ушёл в 1987 году – на самой заре горбачёвской «перестройки», накануне того, как были «открыты шлюзы» и на страну обрушился поток прежде запретных книг. При таком мощном интеллекте, каким он обладал, Анатолий Васильевич способен был очень быстро освоить всё новое. В данном случае следует говорить не просто о прекрасной памяти, а именно о мощном интеллекте. Мозг его работал как машина. Читал он необыкновенно быстро и так же быстро перерабатывал информацию. Кто-то, кажется Б. А. Лебедев, говорил с юмором, что Лосев быстрее книж-

ку прочтёт, чем закончит устное высказывание. Однако полноценно «зарядиться» новой философской и филологической базой ему помешало резкое ухудшение зрения. По этой причине он, видимо, и ушёл в 60 лет, в расцвете сил, «на заслуженный отдых». Не хотел хоть в малой мере быть «неполноценным», не хотел быть объектом жалости. Он очень сильно страдал оттого, что плохо видел. И когда его окликали, когда с ним здоровались, он, в большей степени по голосу, чем по облику узнавая человека, с готовностью отзывался, резко поворачиваясь всем корпусом. Мне казалось, что он находится в постоянном напряжении – будут бывшие коллеги его «узнавать» или нет? Когда он шёл своей характерной походкой по улице или институтскому коридору, то не смотрел по сторонам – возможно, чтобы не вынуждать тех, кто не хотел его замечать, здороваться с ним. Многие, наверное, помнят, как он почти ежедневно приходил в областную библиотеку или в читальные залы нашего университета и, заказав журналы, долгими часами читал их, поднося страницы прямо к лицу, буквально вплотную к очкам с толстыми линзами.

Свой потенциал А. В. Лосев, к сожалению, полностью не реализовал. Он писал мне в одном из писем: «Об одном только не забывайте: есть у человека лучшая часть жизни, когда и “светит”, и “греет”, и вот в эту лучшую часть надо “уложиться”, то есть сделать большую часть того, на что ты вообще способен, ибо потом будет поздно. Говорю об этом, исходя из собственного опыта. Если бы меня спросили, как бы я прожил жизнь, доведись мне начинать с начала, я бы ответил без всякого лукавства: прожил бы жизнь по-другому, постарался бы избежать ошибок, которых было много (очень много!) Что это – пессимизм? Нет, пессимистом я вроде бы никогда не был и мрачным мыслям никогда не давал воли. Просто трезвый взгляд на вещи!»

Со стороны казалось, у него было всё для того, чтобы добиться признания в науке, занять высокое положение. Живя в провинции, он не был провинциалом. По своим способностям он вполне мог стать академиком. Почему этого не случилось – не хватило «здорового честолюбия»? Причина, наверное, в другом. У него начисто отсутствовали «пробивные» способности. Вернее, он считал ниже своего достоинства локтями отбивать себе «место под солнцем». Анатолий Васильевич ценил саму науку, саму исследовательскую работу, а не официальное признание. Да и время было такое, когда в провинциальных вузах стремление человека в большую науку не очень-то и поощрялось. Скорее, наоборот. И столица встречала таких людей отнюдь не с распростёртыми объятиями.

Но в главном – и как личность, и как преподаватель, и как учёный – Анатолий Васильевич Лосев состоялся. Он оставил о себе добрую и, уверен, долгую память.

Р. С. В целях увековечения памяти А. В. Лосева принято решение с января 2003 года присуждать лучшим студентам отделения русского языка и литературы стипендию его имени. Кроме того, 20 ноября 2002 года Учёный Совет БГПУ присвоил имя А. В. Лосева кабинету литературы (ауд. 465). Здесь планируется организовать Центр изучения литературной жизни Приамурья. Научный поиск, который вёл Анатолий Васильевич Лосев, будет продолжен его учениками и последователями.